

После отбоя ученики, высматривая, не идет ли страшный инспектор, полушепотом, но жарко спорили о великих вопросах бытия. Семидесятилетний диктатор Сталин со смехом вспоминал эти споры. «Я стал атеистом в первом классе семинарии», — говорил он. У него случались споры с однокашниками, например с набожным другом Симоном Натрошвили. Но, какое-то время поразмыслив, Натрошвили «пришел ко мне и признал, что ошибался». Сталин слушал это с удовольствием, пока Симон не сказал: «Если Бог есть, то есть и ад. А там всегда горит адский огонь. Кто же найдет довольно дров, чтобы адский огонь горел? Они должны быть бесконечными, а разве бывают бесконечные дрова?» Сталин вспоминал: «Я захохотал! Я думал, что Симон пришел к своим выводам с помощью логики, а на самом деле он стал атеистом, потому что боялся, что в аду не хватит дров!»

От простого сочувствия революционным идеям Сосо двигался к открытому бунту. Приблизительно в это время его дядю Сандаля, брата Кеке, убили полицейские. Сталин никогда об этом не говорил, но наверняка это сыграло свою роль.

Сталин быстро — «как ртуть» — от французских прозаиков перешел к самому Марксу: за пять копеек семинаристы одолжили «Капитал» на две недели. Он пытался изучать немецкий, чтобы читать Маркса и Энгельса в оригинале, и английский — у него был экземпляр «Борьбы английских рабочих за свободу». Так начинались его попытки выучить иностранные языки, особенно немецкий и английский, — они продлятся всю его жизнь.

## **СОСЕЛО (ИОСИФ ДЖУГАШВИЛИ) Стихотворения (1895–1896 годы)**

### **1. ЛУНЕ**

Плыви, как прежде, неустанно  
Над скрытой тучами землей,  
Своим серебряным сияньем  
Развей тумана мрак густой.

К земле, раскинувшейся сонно,  
С улыбкой нежною склонись,  
Пой колыбельную Казбеку,  
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.

Но твердо знай, кто был однажды  
Повергнут в прах и угнетен,  
Еще сравниется с Мтацминдой,  
Своей надеждой окрылен.

Сияй на темном небосводе,  
Лучами бледными играй  
И, как бывало, ровным светом  
Ты озари мне отчий край.

Я грудь свою тебе раскрою,  
Навстречу руку протяну  
И снова с трепетом душевным  
Увижу светлую луну.

## **2. ПОЭТУ, ПЕВЦУ КРЕСТЬЯНСКОГО ТРУДА, КНЯЗЮ РАФАЭЛУ ЭРИСТАВИ**

Когда крестьянской горькой долей,  
Певец, ты тронут был до слез,  
С тех пор немало жгучей боли  
Тебе увидеть привелось.

Когда ты ликовал, взволнован  
Величием своей страны,  
Твои звучали песни, словно  
Лились с небесной вышины.

Когда, Отчизной вдохновленный,  
Заветных струн касался ты,  
То, словно юноша влюбленный,  
Ей посвящал свои мечты.

С тех пор с народом воедино  
Ты связан узами любви,  
И в сердце каждого грузина  
Ты памятник воздвиг себе.

Певца Отчизны труд упорный  
Награда увенчать должна:  
Уже пустило семя корни,  
Теперь ты жатву пожинай.

Не зря народ тебя прославил,  
Перешагнешь ты грань веков,  
И пусть подобных Эристави  
Страна моя растит сынов.

### 3. \* \* \*

Ходил он от дома к дому,  
Стучась у чужих дверей,  
Со старым дубовым пандури,  
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне —  
Как солнечный блеск чиста,  
Звучала великая правда,  
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,  
Заставить биться сумел,  
У многих будил он разум,  
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы  
Люди его земли  
Отверженному отраву  
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,  
Пей, осуши до дна:  
И песня твоя чужда нам,  
И правда твоя не нужна!»

**[ДРУГАЯ ВЕРСИЯ ПЕРЕВОДА ЭТОГО СТИХОТВОРЕНИЯ]**

\* \* \*

Шёл он от дома к дому,  
В двери чужие стучал.  
Под старый дубовый пандури  
Нехитрый мотив звучал.  
В напеве его и в песне,  
Как солнечный луч чиста,  
Жила великая правда —  
Божественная мечта.  
Сердца, превращённые в камень,  
Будил одинокий напев.  
Дремавший в потёмках пламень  
Взметался выше дерев.  
Но люди, забывшие бога,  
Хранящие в сердце тьму,  
Вместо вина отраву  
Налили в чашу ему.  
Сказали ему: «Будь проклят!  
Чашу испей до дна!..  
И песня твоя чужда нам,  
И правда твоя не нужна!»

**[ТРЕТИЙ ВАРИАНТ ПЕРЕВОДА]**

\* \* \*

Он бродил от дома к дому,  
словно демон отрешенный,  
и в задумчивом напеве  
правду вещь берег.  
Многим разум осенила

эта песня золотая,  
и оттаивали люди,  
благодарствуя певца.  
Но очнулись, пошатнулись,  
переполнились испугом,  
чашу, ядом налитую,  
приподняли над землей  
и сказали: — Пей, проклятый,  
неразбавленную участь,  
не хотим небесной правды,  
легче нам земная ложь.

#### 4. \* \* \*

Когда луна своим сияньем  
Вдруг озаряет мир земной  
И свет ее над дальней гранью  
Играет бледной синевой,

Когда над рощею в лазури  
Рокочут трели соловья  
И нежный голос саламури  
Звучит свободно, не таясь,

Когда, утихнув на мгновенье,  
Вновь зазвенят в горах ключи  
И ветра нежным дуновеньем  
Разбужен темный лес в ночи,

Когда беглец, врагом гонимый,  
Вновь попадет в свой скорбный край,  
Когда, кромешной тьмой томимый,  
Увидит солнце невзначай, —

Тогда гнетущей душу тучи  
Развеют сумрачный покров,  
Надежда голосом могучим  
Мне сердце пробуждает вновь.

Стремится ввысь душа поэта,  
И сердце бьется неспроста:  
Я знаю, что надежда эта  
Благословенна и чиста!

### 5. УТРО

Раскрылся розовый бутон,  
Прильнул к фиалке голубой,  
И, легким ветром пробужден,  
Склонился ландыш над травой.  
Пел жаворонок в синеве,  
Взлетая выше облаков,  
И сладкозвучный соловей  
Пел детям песню из кустов:  
«Цвети, о Грузия моя!  
Пусть мир царит в родном краю!  
А вы учебою, друзья,  
Прославьте Родину свою!»

### [ДРУГОЙ ВАРИАНТ ПЕРЕВОДА ЭТОГО СТИХОТВОРЕНИЯ]

Рядом с фиалкой-сестрой  
Алая роза раскрылась.  
Лилия тоже проснулась  
И ветерку поклонилась.

В небе высоко звенели  
Жаворонка переливы,  
И соловей на опушке  
Пел вдохновенно, счастливо:

«Грузия, милая, здравствуй!  
Вечной цвети нам отрадой!  
Друг мой, учись и Отчизну  
Знаньем укрась и обрадуй».

## 6. \* \* \*

Постарел наш друг Ниника,  
Сломлен злою сединой.  
Плечи мощные поникли,  
Стал беспомощным герой.

Вот беда! Когда, бывало,  
Он с неистовым серпом  
Проходил по полю шквалом —  
Сноп валился за снопом.

По жнивью шагал он прямо,  
Отирая пот с лица,  
И тогда веселья пламя  
Озаряло молодца.

А теперь не ходят ноги —  
Злая старость не щадит:  
Все лежит старик убогий,  
Внукам сказки говорит.

А когда услышит с нивы  
Песню вольного труда,  
Сердце, крепкое на диво,  
Встрепенется, как всегда.

На костыль свой опираясь,  
Приподнимется старик  
И, ребятам улыбаясь,  
Загорается на миг.